УДК: 323.21:351.853(470)
Пожидаев Александр Сергеевич – аспирант кафедры политологии и государственной политики Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ (Российская Федерация, г. Орёл), e-mail: alexandrpojidaev@yandex.ru
Нилаева Ксения Сергеевна – студентка Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ (Российская Федерация, г. Орёл), e-mail: nilaeva98@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИИ В 1718–1991 ГГ.

Авторами рассматривается процесс формирования отношений государства и общества в сфере охраны объектов историко-культурного наследия в период управления государством императорами, а позже – советской властью. Выявлена динамика отношения к историко-культурному наследию в переломные периоды отечественной истории, а также характерные для них принципы формирования и функционирования системы охраны памятников истории и культуры. При этом на основе анализа нормативно-правовых актов изучен не только позитивный, но и негативный опыт охранной деятельности. Рассмотрены вопросы становления, развития и популяризации краеведения. В статье приводятся факты, свидетельствующие о богатом опыте взаимодействия государственной власти и общественных объединений в рамках изучаемой проблематики, который стал плодотворной основой для формирования современного механизма охраны объектов историко-культурного наследия.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, государство, общество, Российская Империя, СССР, политика, власть, краеведение.

POZHIDAEV A.S. – Postgraduate student of the Department of Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: alexandrpojidaev@yandex.ru
NILAEVA K.S. – Student, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: nilaeva98@mail.ru

INTERACTION OF STATE AND SOCIETY IN THE SPHERE OF PROTECTION OF OBJECTS OF THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE IN RUSSIA IN 1718 – 1991

The authors consider the process of formation of relations between state and society in the field of protection of objects of historical and cultural heritage during the state administration by emperors, and later - by the Soviet authorities. The dynamics of the attitude to the historical and cultural heritage in the critical periods of Russian history is revealed, as well as the principles of the formation and functioning of the system for the protection of historical and cultural monuments. At the same time, on the basis of the analysis of normative legal acts, not only positive but also negative experience of security activity was studied. Issues of formation, development and popularization of local lore are considered. The article presents evidence of the rich experience of cooperation between public authorities and associations in the framework of the studied problems, which has become fertile ground for the formation of a modern framework for the protection of historical and cultural heritage.

Keywords: historical and cultural heritage, state, society, Russian Empire, USSR, politics, power, local history.

Формирование эффективного механизма охраны объектов историко-культурного наследия является актуальной задачей для любого народа, так как они являются наглядным свидетельством событий прошлого. Поэтому повышение интереса к изучению истории народов актуализирует вопрос формирования исторических детерминант социокультурной и цивилизационной идентичности [13, с. 765–775].

Кроме этого сохранение историко-культурной памяти служит не только для формирования преемственности поколений, но и воспитания патриотизма и нравственности у населения (прежде всего – у молодежи), а также пресечения попыток фальсификации исторического прошлого [3, с. 100–107].

В нашей стране осмысление национальной ценности объектов историко-культурного наследия прошло крайне сложный путь.

Важно отметить, что в допетровскую эпоху категория «памятник» еще не была сформирована, а критерием, согласно которому тот или иной объект следовало сохранить, была их религиозная значимость для верующих.

Концептуальные основы государственной политики в сфере охраны объектов историко-культурного наследия начали формироваться при Петре I (1682–1725), который установил курс на освобождение духовенства «от крайнего увлечения экономическою стороною» и призвал «обратить его к прямым, духовным делам»: церковь он рассматривал как специфический элемент государственного механизма [7, с. 20]. Среди основных законодательных документов этого периода отметим указы 1718 г., 1720 г., 1721 г. и 1722 г.

В этот же период Петр I учредил музеи – кунсткамеры, а также велел организовать восстановление каменных зданий по рассмотрению Синода, что являлось реакцией на проявление церковью неспособности хранить имеющиеся реликвии: объекты богослужения под воздействием времени разрушались или просто уничтожались, а

фрески «записывались» без возможности восстановления.

В этот период была налажена работа по систематизации информации об объектах недвижимости, представляющих историко-культурную ценность: Академия наук сотрудничала со Святейшим Синодом, который должен был собирать данные о религиозных объектах и предоставлять Академии копии с «исторических описаний от времени построения оных для сочиняющейся Российской истории» [4, с. 20].

В целом имущественная политика Петра I носила крайне прагматический характер из-за потребности в ресурсах – страна находилась в состоянии войны и на пути реформ. Так для того, «чтобы вынести тяготы шведской войны, правительство брало отовсюду, откуда только можно было взять: и с крестьян, и с помещиков, и с состоящих на государственной службе, и с духовенства, и с православных, и с раскольников» [7, с. 55].

При Екатерине I (1725–1727) был принят указ, упорядочивший хранение документов и данных об отечественной истории и памятниках прошлого.

Позже, во время правления Петра II (1727–1730), в Москве санкционировали каменное строительство «кто как похочет». Также в Оружейной палате стали храниться «государственные и археологические редкости» – в частности, в 1728 г. туда были переданы государственные «корона и регалии и прочее убранство».

В 1732 г., при Анне Иоанновне (1730–1740), было «повелено серебряные и золотые примечательные вещи, имеющиеся в присутственных местах, оставленные для куриозитету, передать в Мастерскую Палату».

Основной темой целого ряда указов, которые были приняты в эпоху правления Елизаветы Петровны (1741–1761), являлась регламентация строительной и реконструкторской деятельности. Предпринимались меры по сокращению риска распространения городских пожаров.

Основным документом, трансформирующим механизм охраны объектов историко-культурного наследия, при Екатерине II (1762–1796) является «проект кремлевской перестройки», представлявший прямую угрозу памятникам Москвы. Императрица решила построить в Кремле на европейский манер абсолютно новый дворец, параллельно с этим изменив планировку всего городского центра. В процессе расчистки площадок для возведения новых сооружений были уничтожены древнейшие ансамбли. Позже (в 1774 г.) императрица остановила все строительные работы на территории старинной застройки Кремля.

При Павле I (1796–1801) был принят «Высочайше утвержденный Устав столичного города Москвы», который, в частности, возлагал рассмотрение строительных планов и фасадов планируемых к возведению зданий на военного губернатора, а «строгое наблюдение за исправностью в городе мостов, перевозов, мостовых, чистотою улиц, освещением города и точным от обывателей исполнением их повинностей» – на полицию.

Территория Кремля подверглась очередным разрушениям при Александре I (1801–1825) – тогда было задумано придать застройке «подобающий» вид за

счет сноса сооружений, которые, по словам чиновников, «помрачают своим видом все прочие великолепные здания» [11, с. 27]. Предметы старины, находившиеся на хранении в Оружейной палате, подверглись ревизии: те, что представляли, по мнению неквалифицированных чиновников, наибольшую культурно-историческую ценность оставили, а остальные – распроданы, что послужило импульсом для издания в 1806 г. указа, предписывавшего: «...ничего не продавать и никаким вещам из палатского хранилища отпусков не чинить без особого указа... ».

По окончании войны с наполеоновской Францией в России произошел так называемый кризис «европеизации», с которого началось методичное воссоединение с утраченными национальными традициями.

Также в этот период Москва начала восстанавливаться после пожара, который произошел в сентябре 1812 г. во время французской оккупации города, оставленного русской армией после Бородинского сражения. В замечаниях императора на «вновь прожектированный план столичного города Москвы» от 29 сентября 1813 года сказано: «1. Лавки на Красной площади (со входу в Воскресенские ворота направо), закрывающие вид Кремля, уничтожить. 2. Лавки, закрывающие вид здания церкви Василия Блаженного, равномерно уничтожить же; но самую церковь оставить и поддержать ее в прежнем виде. 3. Стены Кремля и Китая города поддержать в первобытном их положении» [10, с. 50–51].

Правление Николая I (1825–1855) отмечено заметным повышением внимания к сбору и изучению национальных реликвий: в 1826 г. был издан циркуляр МВД, санкционировавший выявление памятников архитектуры на местах и организацию их охраны, а в 1832 г. был принят Строительный устав, который запрещал разрушение старинных построек и передавал полномочия по контролю за их сохранностью губерниям.

Следующая редакция Строительного устава была утверждена уже при Александре II (1855–1881) и гласила: «Строжайше воспрещается разрушать остатки древних замков, крепостей, памятников и других зданий древности под ответственностью за нарушение сего начальников губерний и местных полиций» [12, с. 44].

В 1859 г. была создана Императорская Археологическая комиссия, работавшая вплоть до революционных событий и осуществлявшая деятельность по проведению археологических раскопок на территории Империи, и была консалтинговым учреждением по вопросам охраны историко-культурного наследия.

Александр III (1881–1894) взял курс «на умиротворение России» и ее культурное развитие, начав «с оздоровления корней»: новая политика государства сводилась к сохранению и развитию национальных ценностей. Были утверждены Циркуляр МВД «О запрещении производить раскопки на государственных, церковных и общественных землях без разрешения Археологической комиссии» (1886) и определение Синода о потребности в точном исполнении указа о порядке реставрации памятников древности (1894).

Конец XIX века является началом становления профессионального краеведения. Помимо людей, посвятивших себя изучению родных мест, начали формироваться целые краеведческие общества, которые допустимо считать частью систе-

мы научных обществ, принимавших активное участие в деле сохранения объектов историко-культурного наследия.

В этой связи можно отметить выдающиеся заслуги Одесского общества истории древностей (1839), Археологической комиссии (1859) и Московского археологического общества (1864), которые внесли большой вклад в дело выявления, изучения и охраны памятников истории и культуры. При непосредственном участии членов этих общественных структур в законотворческом процессе государственные ведомства империи издавали документы, запрещавшие самовольные реставрации.

В частности, следует отметить Проект мер охранения памятников старины, который классифицировал объекты историко-культурного наследия: памятники архитектуры, письменности, живописи и ваяния.

Также в рамках данного документа предполагалось составление перечня объектов, который следовало рассмотреть на заседании особой комиссии, по результатам которого все они подлежали разделению на две категории: которые не могут быть отреставрированы или демонтированы «без особого на то Высочайшего соизволения», и те, для реконструкции или демонтажа которых было необходимо наличие соответствующего разрешения Министерства внутренних дел или Святейшего Синода.

В целом концепция Проекта была одобрена I Археологическим съездом. Он был доработан к состоявшемуся в 1871 г. II Археологическому съезду, а затем направлен в компетентные государственные органы. Однако он так и не был реализован по причине того, что не было найдено финансов. Тем не менее идеи документа повлияли на государство в части осмысления им важности сохранения объектов историко-культурного наследия.

К концу XIX – началу XX в. изучение и охрана памятников архитектуры стали основными направлениями в деятельности Петербургского общества архитекторов (1872), Московского архитектурного общества (1876) и Общества архитекторов-художников (1903). В 1909 г. в Санкт-Петербурге было организовано Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины под председательством Великого князя Николая Михайловича.

К концу XIX в. была сформирована сеть провинциальных учреждений и организаций, которые занимались только сохранением объектов историко-культурного наследия. Система была представлена музеями, статистическими губернскими комитетами, церковными археологическими обществами, древлехранилищами, губернскими учеными архивными комиссиями и краеведческими обществами.

В начале XX столетия, во время правления Николая II (1894–1917), был создан целый ряд коллегиальных органов: например, в 1903 г. была организована Комиссия по пересмотру Строительного устава, а в 1904 и 1908 гг. – комиссии по пересмотру постановлений об охране памятников.

Кроме этого до нашего времени дошли документы того периода, подтверждающие повышение интереса населения к вопросу сохранения объектов историко-культурного наследия. В частности, речь идет о проекте Положения о Синодальной архивно-археологической комиссии (1908), к полномочиям которой документ относил наблю-

дение за состоянием объектов историко-культурного наследия, которыми заведовал Синод.

Позже, к 1911 г., увидел свет проект Положения об охране древностей, который был обсужден Государственной думой, но так и не был принят [9, С. 677–687]. Проект предусматривал создание системы государственной охраны и закреплял первичное право на выкуп историко-культурного достояния за правительством.

Следовательно, к началу XX столетия уже были разработаны основные концептуальные положения в изучаемой сфере, но принятию решительных мер помешала развернувшаяся первая мировая война.

Позже, 13 сентября 1916 г., императору был представлен доклад «О необходимости образования при Министерстве внутренних дел особого совещания для пересмотра законопроекта об охране памятников древности», но соответствующий нормативно-правовой документ так и не был подписан.

Последовавшие революционные события февраля и октября 1917 г., а также гражданская война глубоко трансформировали отношение к историко-культурному наследию: ликвидация существовавшей государственной системы и уничтожение частной собственности вызвали правовой нигилизм и стимулировали активность новых органов власти по национализации историко-культурного наследия. Борьба с буржуазией привела к уничтожению и вывозу за пределы страны старинных предметов, начались погромы дворянских имений, а также были закрыты или заняты различными революционными организациями многочисленные монастыри и церкви.

В 1918–1920 гг. под эгидой Народного комиссариата просвещения начала формироваться новая система государственной охраны объектов историко-культурного наследия, руководил которой Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины.

В начале второго десятилетия XX столетия было образовано Центральное бюро краеведения – Его основной задачей было курирование работы провинциальных краеведческих организаций, которые сыграли важную роль при учете усадеб дворян и спасении их архивов и другого ценного в историко-культурном отношении имущества.

Лишь к концу 1920-х гг. стало распространяться суждение об историко-культурном наследии как об инструменте государственного идеологического влияния на народные массы. Следовательно, важной задачей советской власти стало формирование централизованной системы охраны и использования данных объектов, а все, что было создано в этом направлении при монархии, объявлялось неприемлемым.

Тем не менее государственная политика в этой сфере носила парадоксальный характер: с одной стороны, провозглашался курс на сохранение объектов историко-культурного наследия, а с другой – в условиях новой экономической политики финансирование выполнялось по «остаточному» принципу, недостаточность которого повлияла на сокращение учреждений и работников сферы культуры, а также интенсивность обследования и учета памятников.

Крупнейший урон был нанесен объектам религиозного культа: правом собствен-

ности на них стало обладать государство, начавшее атеистическую пропаганду: церкви уничтожались, перестраивались, а также использовались не по целевому назначению.

Позже, 23 февраля 1922 г. было принято постановление ВЦИК об изъятии церковных ценностей, которое запустило процесс изъятия «из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий, по описям и договорам все драгоценные предметы из золота, серебра и камней» под предлогом «неотложной необходимости спешно мобилизовать все ресурсы страны, могущие послужить средством борьбы с голодом в Поволжье» [6, С. 59–60]. Вырученные средства планировалось направить на партийные нужды.

В 1920-е гг. документально укрепился и стал широко употребляться термин «культурные ценности», также включавший неприменявшуюся ранее категорию «антиквариат».

В связи с нарастающей идеологизацией всех сфер жизни отношение к историко-культурному наследию становилось все более негативным.

Так, в 1928–1929 гг. широко развернулась деятельность по уничтожению церковных колоколов под предлогом острой потребности промышленности в металле. Параллельно осуществлялись репрессии священников, что также повлияло на закрытие и последующие обветшание и разрушение храмов.

В отдельную категорию охраны включались «памятники революции», «памятники революционного движения», «памятники народного быта», «памятники Красной Армии».

При Президиуме ВЦИК РСФСР в 1932 г. был образован Междуведомственный комитет по охране памятников революции и культуры, которому принадлежали такие полномочия, как: контроль исполнения решений правительства по вопросам охраны объектов историко-культурного наследия; ведение реестра объектов, подлежащих государственной охране; финансирование охранной деятельности; проведение экспертизы проектов монтажных работ на подведомственных объектах. Следовательно, к середине 1930-х гг. государственный контроль над охраной объектов историко-культурного наследия был восстановлен.

Вся ответственность за неудовлетворительное положение национального историко-культурного достояния перекладывалась на нижний уровень власти: была указана главная причина разрушения объектов культурного наследия – несоблюдение местными органами власти действующего законодательства.

Несмотря на это, было принято решение о формировании системы музеев им. В.И. Ленина: Центральный музей открылся 15 мая 1936 г., что послужило стартом начала организации музеев в регионах, обладавших автономной системой управления во главе с ЦК ВКП(б).

Завершением трансформации советских музеев в идеологические организации стало положение СНК «О краеведческом музее», принятое 24 января 1941 г. и позиционировавшее его как «политико-просветительное и научно-исследовательское учреждение» [1, с. 19].

Особенностью государственной политики в сфере охраны объектов историко-

культурного наследия в период 1920–1930-х гг. является доминирование декларативности, так как теоретические концепции абсолютно не соответствовали действительности. Этот период считается одним из самых негативных в истории охраны объектов историко-культурного наследия.

Великая Отечественная война стала катастрофой для изучаемой сферы. Основными направлениями государственной политики этого периода по вопросу сохранения памятников стали: эвакуация ценностей на восток (ею заведовал Всесоюзный комитет по делам искусств), учет разрушений войсками противника и восстановление объектов историко-культурного наследия [8, С. 206].

По окончании боевых действий 1 октября 1945 г. было подписано Постановление «О восстановлении городов России», которое выполнялось на научной основе, благодаря чему во внимание принималась историческая специфика планировки каждого города.

Отношение к историко-культурному наследию стало более бережливым. Совет Министров РСФСР 22 мая 1947 г. принял Постановление «Об охране памятников архитектуры» – один из важнейших документов, закреплявший статус объектов историко-культурного наследия как «неприкосновенное». Также постановление устанавливало перечень этих объектов – к ним относились: «произведения древнерусского зодчества: кремли, крепости, древние сооружения, монастыри, дворцы, архитектурные ансамбли усадеб, садово-парковые насаждения и отдельные здания гражданского и культового назначения, а также связанные с ними декоративные убранства».

14 октября 1948 г. для послевоенного возрождения историко-культурного достояния страны было подписано Постановление Совета Министров СССР «О мерах улучшения охраны памятников культуры».

В 1954 г. были образованы Министерство культуры СССР и Министерства культуры союзных республик, что привело к интенсификации деятельности соответствующих учреждений, подготовивших к 1957 г. перечень объектов историко-культурного наследия, насчитывавший более 1100 позиций, связанных с революционными событиями и Великой Отечественной войной.

Постановление Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. стало значимым этапом в развитии нормативно-правовой базы – отныне документально констатировалась важная роль историко-культурного наследия в процессе осуществления коммунистического воспитания и формирования уважения к историческому прошлому Родины.

Активная застройка городов в 1960-е гг. выявила проблему баланса исторической и современной архитектуры, реакцией на которую стали «Указания по организации охранных зон памятников архитектуры, изданные в 1962 г. и содержащие правила формирования охранных зон памятников».

В середине 1960-х гг. наступил новый период в истории охраны объектов историко-культурного наследия Постановлением Совета Министров РСФСР от 23 июля 1965 г. был создано Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры ВООПИиК, основным звеном в системе работы которого стали секции, сосредоточившие исследовательскую и оперативную деятельность. Членами Общества были известные ученые, специалисты-

реставраторы, знатоки и любители памятников [5, с. 15]. Отметим, что в 1970–1980-е гг. Общество было одной из самых массовых организаций, насчитывавшей более 10 млн. человек, благодаря усилиям которых были спасены более 3000 памятников.

Верховным Советом СССР 29 октября 1976 г. был принят Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», а 7 октября 1977 г. значение охраны объектов историко-культурного наследия было отражено в Конституции. Оба нормативных акта предписывали обязательный учет государством объектов историко-культурного наследия вне зависимости от форм собственности. Согласно ст. 18 вышеупомянутого Закона, реставрация, консервация и ремонт памятников истории и культуры должны были осуществляться только с ведома государственных органов охраны памятников и под их контролем, за счёт средств пользователей или собственников памятников, а также государственных органов охраны памятников.

В 1980-е гг. наметилась тенденция к признанию общечеловеческих историко-культурных ценностей, за счет чего произошло уменьшение давления административного механизма на культуру и увеличение внимания к сфере охраны историко-культурного наследия.

Наконец, 25 декабря 1990 г. в Постановлении Верховного Совета РСФСР «О неотложных мерах по сохранению национального культурного и природного наследия народов РСФСР» впервые в правовое поле было введено представление об актуальности комплексного подхода к сохранению наследия, о необходимости сохранения историко-культурных и природных территорий республики. Отмечалась невозможность приватизации культурного и природного наследия народов России, в том числе ценностей, хранящихся в государственных музеях, архивах и библиотеках, включая помещения и здания, где они расположены. Эта норма, закрепленная юридически, имела огромное значение, особенно на пороге зарождающихся рыночных отношений.

Таким образом, в отечественной истории периода Российской Империи и СССР определение роли и значения памятников истории и культуры прошло нелегкий путь становления.

Формирование системы нормативно-правовых актов, регулирующих данную сферу, а также государственного отношения к объектам историко-культурного наследия относится к периоду правления Петра I. Данная деятельность с переменным успехом была продолжена его преемниками, в связи с чем важно отметить, что на личность каждого российского монарха она имела определяющее значение в этом процессе.

Система охраны объектов историко-культурного наследия динамично развивалась на протяжении всего XIX века. В этот период массово создавались общественные организации, занимавшиеся выявлением, изучением и охраной объектов историко-культурного наследия, которые стали оказывать значительное влияние на государственную политику, концентрируя внимание власти на проблеме сохранения историко-культурного наследия.

Однако в годы становления советской власти формировалось утилитарное отношение к объектам историко-культурного наследия, а в основе системы их охраны

лежали принципы идеологизации и централизма. Такое положение дел в 1920–190-е гг. нанесло фатальный урон памятникам старины, часть которых была уничтожена или продана за границу. Укрепился приоритет сохранения памятников революционного движения – этим органы власти снимали с себя ответственность за уничтожение других, особенно культовых.

К концу 1930-х гг., в условиях надвигающейся войны, объекты наследия сыграли важную роль в усилении чувства патриотизма советских граждан, обеспечивающего консолидацию общества [2, с. 18–24].

Позже, в годы Великой Отечественной войны, по западной части СССР прошла волна разрушений, после которой множество материальных свидетельств прошлого было утрачено безвозвратно.

Тем не менее в послевоенные годы деятельность государства по восстановлению разрушенных объектов историко-культурного наследия заметно активизировалась – началась перестройка государственной системы их охраны: сферу стали возглавлять министерства культуры, однако слабость региональных учреждений не дала возможности данной системе осуществлять свою деятельность последовательно и эффективно.

Объекты историко-культурного наследия все активнее стали интегрироваться в политическую жизнь страны, так как использовались в качестве средства коммунистического воспитания советских граждан.

Положительные тенденции в деле охраны памятников истории и культуры наметились и укрепились во второй половине 1960–1980-х гг. – увеличилась общественная инициатива по выявлению, изучению и популяризации историко-культурного наследия, о чем ярко свидетельствуют организация и деятельность ВООПИиК.

Наконец, колоссальный прогресс в изучаемой сфере был достигнут в 1980-е гг.: демократизация и гласность ликвидировали идеолого-административные барьеры, способствуя расширению круга охраняемых памятников истории и культуры. В частности, больше внимания стало уделяться объектам, не связанным с революционными событиями и строительством социализма.

Следовательно, богатый опыт взаимодействия российских государственных органов и общественных организаций в сфере охраны объектов историко-культурного наследия, накопленный в период с 1718 по 1991 г., стал плодотворной основой для формирования современного механизма охраны объектов историко-культурного наследия.

Библиография:

1. Бурдин Е.А. Охрана объектов культурного наследия в СССР (1917–1991 гг.). Учебно-методическое пособие. – Ульяновск: УлГПУ, 2013. – 51 с.

2. Исаева Ю.В. Историческая память о Великой Отечественной войне как духовно-нравственная основа патриотического воспитания молодежи // Вестник государственного и муниципального управления. – 2014. – № 4 (15). – С. 18–24.

3. Ливцов В.А., Пожидаев А.С., Нилаева К.С. Проблема фальсификации истории второй мировой войны: Орловско-Курская дуга // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Т. 12. – № 4. – С. 100–107.

4. Львович-Кострица А.И. Михаил Ломоносов. Его жизнь, научная, литературная и общественная деятельность: биографиче-

ский очерк. – 2 изд. – СПб.: типография Ю.Н. Эрлих, 1912. – 86 с.

5. Маланичева Г.И., Ливцов В.А. Этапы истории ВООПИиК. К 50-летию образования Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры / Под общ. ред. П.А. Меркулова: Научная монография. – Орел, 2016. – 168 с.

6. Одинцов М.И. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. – М.: Издательство РАГС, 1999. – С. 59–60.

7. Рункевич С.Г. Учреждение и первоначальное устройство Святейшего правительствующего Синода (1721–1725 гг.) / История русской церкви под управлением Святейшего Синода. – Т. 1. – СПб.: Типография А.П. Лопухина, 1900. – 436 с.

8. Сиволап Т.Е. История и культура Санкт-Петербурга: Санкт-Петербург – город-музей под открытым небом. Учебное пособие. – СПб., 2015. – С. 255.

9. Столыпин П.А. Программа реформ. Документы и материалы: в 2 т. – 2-е изд. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – Т. 2. – 2011. – 799 с.

10. Указатель законов и постановлений по строительной части. – М., 1814. – С. 50–51.

11. Формозов А.А. Русское общество и охрана памятников культуры. – 2-е изд., дополненное. – М.: Изд-во «Советская Россия», 1990. – 112 с.

12. Шаманаев А.В. Охрана культурного наследия в Российской Империи: учебное пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 132 с.

13. Merkulov P., Turin E., Savinova E. Cultural and Historical Determinants of the Formation of the Identity of the Scots: the Question of the National Self-Determination of Scotland // Bylye Gody, 2017, Vol. 45, Is. 3, pp. 765– 775.

References:

1. Burdin Ye.A. Okhrana ob"yektov kul'turnogo naslediya v SSSR (1917–1991 gg.). Uchebno-metodicheskoye posobiye. – Ul'yanovsk: UlGPU, 2013. – 51 s. (In Russ.)

2. Isayeva YU.V. Istoricheskaya pamyat' o Velikoy Otechestvennoy voyne kak dukhovno-nravstvennaya osnova patrioticheskogo vospitaniya molodezhi // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – 2014. – № 4 (15). – S. 18–24. (In Russ.)

3. Livtsov V.A., Pozhidayev A.S., Nilayeva K.S. Problema fal'sifikatsii istorii vtoroy mirovoy voyny: Orlovsko-Kurskaya duga // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. – 2017. – T. 12. – № 4. – S. 100–107. (In Russ.)

4. L'vovich-Kostritsa A.I. Mikhail Lomonosov. Yego zhizn', nauchnaya, literaturnaya i obshchestvennaya deyatel'nost': biograficheskiy ocherk. – 2 izd. – SPb.: tipografiya YU.N. Erlikh, 1912. – 86 s. (In Russ.)

5. Malanicheva G.I., Livtsov V.A. Etapy istorii VOOPIiK. K 50-letiyu obrazovaniya Vserossiyskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury / Pod obshch. red. P.A. Merkulova: Nauchnaya monografiya. – Orel, 2016. – 168 s. (In Russ.)

6. Odintsov M.I. Russkiye patriarkhi KHKH veka. Sud'by Otechestva i Tserkvi na stranitsakh arkhivnykh dokumentov. – M.: Izdatel'stvo RAGS, 1999. – S. 59–60. In Russ.)

7. Runkevich S.G. Uchrezhdeniye i pervonachal'noye ustroystvo Svyateyshego

pravitel'stvuyushchego Sinoda (1721–1725 gg.) / Istoriya russkoy tserkvi pod upravleniyem Svyateyshego Sinoda. – T. 1. – SPb.: Tipografiya A.P. Lopukhina, 1900. – 436 s. (In Russ.)

8. Sivolap T.Ye. Istoriya i kul'tura Sankt-Peterburga: Sankt-Peterburg – gorod-muzey pod otkrytym nebom. Uchebnoye posobiye. – SPb., 2015. – S. 255. (In Russ.)

9. Stolypin P.A. Programma reform. Dokumenty i materialy: v 2 t. – 2-ye izd. – M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2011. – T. 2. – 2011. – 799 s. (In Russ.)

10. Ukazatel' zakonov i postanovleniy po stroitel'noy chasti. – M., 1814. – S. 50–51. (In Russ.)

11. Formozov A.A. Russkoye obshchestvo i okhrana pamyatnikov kul'tury. – 2-ye izd., dopolnennoye. – M.: Izd-vo «Sovetskaya Rossiya», 1990. – 112 s. (In Russ.)

12. Shamanayev A.V. Okhrana kul'turnogo naslediya v Rossiyskoy Imperii: uchebnoye posobiye. – Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2018. – 132 s.